

ЕЛЕНА ШЕДОГУБОВА

УЗЕЛКИ ПАМЯТИ

Елена Петровна Шедогубова

Узелки памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29829126

ISBN 9785449047694

Аннотация

Воспоминания, встречи, размышления, фантазии автора, подслушанные и подсмотренные жизненные ситуации, которые просились на бумагу.

Содержание

Лялька	5
Алексей Иванович	11
Армейка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Узелки памяти

**Елена Петровна
Шедогубова**

© Елена Петровна Шедогубова, 2018

ISBN 978-5-4490-4769-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лялька

Как же несправедлива бывает судьба! У одной сестры и образование, и квартира в далеком столичном городе, и муж – мастеровой и непьющий, и достаток в доме, а детей нет и уже никогда не будет. А у другой – всего богатства: бревенчатая изба в глухой сибирской деревеньке, наработанные в колхозе трудовни да муж, что по-некрасовски «до смерти работает, до полусмерти пьет». А детей пятеро – четыре дочки и сын.

Елена, она же Евлампия (так называли родители-старообрядцы), приехала в гости к матери и сестре Марии после долгой разлуки и с тайной завистью посматривала на своих племянниц с мыслью: «Ну почему? За что?». Четверо пошли в отцовскую породу: долговязые, темноволосые, темноглазые. А последыш – тетка – была похожа на одуванчик в белом облаке кудряшек, с голубыми глазенками и щедрой россыпью веснушек на вздернутом носу. В семье ее называли Лялькой.

Лялька ни на шаг не отходила от приезжей тетки. Ее бесхитростное детское воображение было поражено невиданной шляпкой, дивными подарками, полным чемоданом краснобоких яблок и рассказами о далекой чудесной стране Грузии, где живет эта волшебная тетка со своим мужем.

– Отдайте! И вам легче будет и ей у меня хорошо будет! Я

и воспитаю, и образование дам. Она вон какая смышленная. Уже столько стихов со мной выучила. Ну что ей здесь, в деревне, делать? Богом прошу – отдайте...

Она вся в слезах стояла на коленях перед сестрой и матерью, умоляя отдать ей на воспитание прикипевшую к сердцу Ляльку. Старая бабка Татьяна – суровая старообрядка – строго сдвинула брови.

– Грех это! Нет моего на то благословения. Что удумали! Дитя родное отдать! Не позволю. И Бог нас за это накажет...

Мария решила схитрить.

– А давай Ляльку и спросим.

В душе она надеялась, что та побоится расстаться с мамкой-папкой, сестрами-братом... Но Лялька, уже прирученная и обласканная теткой, оказалась отчаюгой.

– Хочу в Грузию, хочу. Яблок хочу много-много, – заявила она.

Заплакал недавно протрезвившийся после пьянки отец, светлым горохом покатались слезы по морщинистым щекам бабки Татьяны. Дружно, в один голос заревели средние девочки – Соня и Любочка, больная церебральным параличом и оттого умевшая лишь ползать. А Мария обиженно поджала губы.

– Ну и забирай ее, раз за яблоки купила! – с непонятной решимостью сказала, как отрезала. Ни вой старухи-матери, ни окрик мужа (пьяного она боялась, а трезвым помыкала) больше уже не действовали.

– Забирай!

В опустевший чемодан вместо яблок положили крохотные черные пимы (валенки), что отец скатал, маленькую рыже-серую беличью шубенку, что сшила бабка из настрелянных отцом белок и такую же ушанку. К покорению Грузии Лялька была готова. Уговорились, что будет называть тетку «мама Лена». Дорога была дальняя, через всю страну, и раз открывшийся от удивления Лялькин рот уже не закрывался до конца пути. «Почему», «зачем», «а что это», «куда» и снова «почему» сыпались из нее, как из дырявого мешка. Отвечая на них, мама Лена не переставала думать о том, что же она натворила.

Когда выходила замуж за пожилого бездетного Петровича, сказала, что детей нет и не будет. А он ответил, что у него из родни осталась только племянница, которую в голодные годы вывез с Украины. Здесь же, в Тбилиси, сытом и благополучном, выдал ее замуж за хорошего человека. Деток ее любит и холит, а своих вот – нету. Значит, так тому и быть. И вот появляется она на пороге с чужим выпрошенным дитятей... Но отступать было поздно.

На шумной и многолюдной коммунальной кухне наступила непривычная тишина, когда появилась новоявленная мать, держа за руку новоявленную же дочь. Лялька обвела присутствующих любопытным взглядом и сразу взяла быка за рога, плохо выговаривая пока букву «р».

– Я сибирячка, я приехала в Грузию грузинов бить!

Тишина стала еще тише. Скажем слово в защиту нашей маленькой героини: не сама она дошла до мысли такой. Ею с ней поделился бородатый проспиртованный геолог, что веселил Ляльку во время полета в стареньком самолетике местной линии, пока зеленая от воздушных ям мама Лена плотно общалась со спецпакетом. Грузины – народ с изумительным чувством юмора, поэтому отмерев от первого шока, по достоинству оценили Лялькин бенефис. Кухня захохотала. И сразу все задвигалось-зашумело-заговорило.

– Вай, ра ламази гогоа!

– Ра симпатиуриа да ра патараа!

– Таки чудный младенец! – подвела итог дискуссии старая еврейка баба Фаня.

В те годы на заводах в 5 часов вечера еще звучали гудки, возвещая конец рабочей смены. Через полчаса... Через пятнадцать минут.. Вот сейчас... Лялька беспечно ковырялась в тарелке с манной кашей и не догадывалась, как бешено стучит сердце у мамы Лены. Петрович вошел и остановился на пороге, как вкопанный. Лялька приветственно замахала ложкой и радостно затараторила.

– Это кто? Это папа Витя пришел? Папа Витя, а ты кашу будешь? А то я уже не могу, я объелась. А мама Лена сказала, что ты мне игрушку сделаешь, потому что у тебя руки золотые. А покажи руки! Они у тебя, правда, золотые?

Тем же вечером папа Витя изображал неутомимую лошадку, катая на себе хохочущую Ляльку и хохоча громче нее.

Потом усталая Лялька уснула и счастливо улыбалась во сне. Ей снилось много-много игрушек, которые папа Витя обещал ей сделать: медведь и мужик будут тянуть к себе репу, по железной дороге будут кататься маленькие вагончики и деревянные кубики с буквами научат ее читать...

В том же году Лялькиного настоящего отца раздавит огромной сосной на лесоповале. Он бросится спасать казенное имущество – застрявшую в распиле бензопилу – и угодит прямо под рухнувшее дерево.

Умрет маленькая Соня. У нее окажется врожденный порок сердца.

Тихо угаснет старая бабка Татьяна, через силу выговорив напоследок:

– Прогневили мы Господа...

Старшие дети – брат Павел и сестра Ульяна – уедут за лучшей долей в далекий Иркутск. А Мария останется одна с умненькой и хорошенькой, но больной и неходячей Любочкой.

Лялька быстро выучится читать и бесконтрольно учить наизусть не подходящие ей по возрасту стихи классиков. Будет веселить пассажиров тбилисского трамвая декламацией отрывков из пушкинской «Гавриилиады».

Досталась я в один и тот же день

Лукавому, архангелу и Богу...

Очень скоро папа Витя превратится просто в папу, мама Лена – в просто маму, а та далекая, родная, станет зваться

мамой Марусей. Сестры никогда не простят друг другу этой замены, не признаваясь, однако, в этом ни себе, ни другим.

И все-таки... Почему же судьба бывает так несправедлива?

Алексей Иванович

Дежурство заканчивалось. Вот-вот подойдет его сменщик, и можно будет уйти домой. Гудят натружено ноги, руки привычно развешивают и снимают номерки, передают модные курточки беззаботно щебечущим студенточкам, плащи – солидным аспирантам и бородатым профессорам. «Прошу вас...», «Будьте любезны...», «Пожалуйста» – и все это с улыбкой, искренней и доброжелательной. И так смена за сменой, день за днем, год за годом. Второй десяток лет работает он гардеробщиком в храме науки. Его многие здесь знают, здороваются, приветливо улыбаются в ответ на его улыбку. Никто не видел хмурым или раздраженным этого пожилого прихрамывающего человека в роговых очках с толстыми затемненными стеклами. Прихрамывать-то Алексей Иванович прихрамывает, но спину держит по-военному прямо.

Поток жаждущих получить свои вещички стал редеть, значит, «пары» закончились. А вот и сменщик... Алексей Иванович неторопливо дошел до метро, привычно выслушал вкрадчивое предупреждение диктора о закрывающихся дверях, привычно ступил на услужливые ступени эскалатора, вертящиеся двери привычно выплюнули очередную порцию торопливых пассажиров... Неспешно постукивая тростью, он свернул с проспекта в боковой переулок, будто из бурного

потока вынырнул. Войдя в арку старого, еще довоенной постройки дома, окунулся в устоявшуюся атмосферу размеренной жизни старомосковского дворика. Бдительные бабушки, по случаю теплого и ясного апрельского вечера густо обсевшие лавочки у подъезда, встрепенулись при виде прохожего, а затем дружно расслабились: сужен-пересужен, ничего нового. Алексей Иванович щедро рассыпал улыбки, полупоклоны и «добрый вечер», проходя сквозь строй. Едва закрылась за ним дверь подъезда, бабушки в приступе информационного голода теснее сдвинулись на лавочке.

– Уж второй год вдовееет. И не тяжко ему? Ни жены, ни детей, ни близких...

– Даа, жалко как было жену-покойницу-то! Как же мучилась перед смертью. А он-то и сиделку, и лекарства из-за границы – все для нее...

– А ты как думала! Она его после Чернобыля приютила, выходила, с того света вытащила. Одной ногой уже в могиле стоял. Ликвидатор... Не жильцы они на белом свете.

– А ничего ей не помогло, нет от этой напасти лекарства. Говорят, облучилась она, когда в госпиталь работала после Чернобыля, и в командировки ездила туда. Не то там нахваталась, не то от самих ликвидаторов...

Еще одна попыталась вставить свое ИМХО по данному вопросу, но тут на горизонте появилась незнакомая девица на лабутенах и в боевой раскраске ирокеза на тропе войны. Бабушки переориентировались мгновенно.

Старый кот, похожий на меховой коврик с глазами злой русалки, встретил хозяина на пороге и сразу повел в кухню. Показать, что в доме непорядок и миска пуста. Пока Алексей Иванович готовил ужин, Тимофей, лежа на подоконнике, зорко следил, чтоб порции мяса были одинаковы и отбивные хорошо прожарены. Ужинали они неторопливо и вдумчиво, потом кот занялся важным делом – заснул, а Алексей Иванович щелкнул пультом. На экране мелькали новостные кадры, приглушенно звучал голос диктора, обрывками пробиваясь в память и сознание. «Годовщина Чернобыльской трагедии.. мужество тех, кто... вставшие на борьбу с огнем и невидимой смертью... жертвуя собой...».

Со стены над диваном из самодельных рамок смотрели немного выцветшие фотографии родных. После смерти жены он случайно стал разбирать старый, обитый синим бархатом переполненный альбом, и ему пришла в голову мысль сделать для фотографий рамки и перенести их на стену. Каждая рамка была особенной, неповторимой, предназначенной только для этого человека из его прошлого. Темная резная рамка обрамляла фото, где плечом к плечу стояли два молоденьких лейтенанта с эмблемами инженерных войск, его наискосок пересекала незатейливая надпись: «Другу Лешке от друга Димки». Даже на черно-белом снимке было видно, что друг Димка рыжий, веснушчатый и очень веселый. Строгая академическая рамка выделяла фотографию медиков, обступивших величественного профессора, по правую

руку от которого вытянулась, стараясь придать себе солидности, невысокая худенькая женщина в большом, не по размеру белом халате. Подпись в углу гласила, что это группа медиков НИИ радиологии. Немного в стороне, особняком висела студийная фотография хорошенькой девушки с пышной копной волос, заплетенных в длинную косу. Она была снята по моде 80-х годов вполоборота к зрителю, с порхающей «джокондовской» улыбкой на губах. В полутьме комнаты мерцал экран, тени пробежали по стене, оживляя лица на фотографиях, кот Тимофей по-стариковски всхрапывал во сне...

В провонявшей дымом, мокрой брезентовой робе он, лейтенант инженерных войск, командированный в зону Чернобыльской аварии, уже несколько часов безуспешно пытался со своим подразделением и пожарными расчетами задуть огонь в каком-то административном (мать его!) здании. Они забивали его в одном месте, а он коварно выползал в другом. Казалось бы, тут уже и гореть нечему: бетон и арматура, а вот поди ж ты – горит и все тут! Алешка выругался, сплюнул черную вязкую слюну и огляделся. Димка пробирался по бетонным обломкам в глубь корпуса. «Куда его понесло?» – мелькнула мысль, даже, кажется, не успела мелькнуть, когда с оглушительным грохотом рухнул лестничный пролет, и вместе с ним в клубах пыли, дыма и обломков исчез из виду напарник. Не рассуждая и не раздумывая,

Алешка бросился в это темное, пыльное, удушливое облако. Димка, конечно, дурак, что полез туда, но это же Димка. Столько с ним сигарет выкурено, курсантской каши съедено. Ну и получит же он!

В горле першит, нечем дышать, видимости никакой, но Алешка дрожащими руками шарит вокруг и хриплым, каркающим голосом кричит – а на самом деле – шепчет: «Димка!». Внезапно под ногами он ощущает что-то мягкое, наверное, человек. Из последних сил он взваливает на плечи бесчувственное тело. Черт тяжеленный! Раскормили тебя поварихи на мою голову! Бегом – а на самом деле – шагом, шатаясь, к обозначившемуся просвету. До спасительного выхода совсем немного, совсем чуть-чуть, когда снова раздается оглушительный грохот и наступает тишина и темнота.

– Очнулся, значит, выкарабкается.

Женский голос донесся глухо и издалека, отгоняя тишину. Серый сумрак начал светлеть, обозначая фигуры в белом.

– Не то ангелы, – почему-то глупо подумалось Алешке перед тем, как снова провалиться в спасительную тьму обезболивающего укола.

Его рука лежала на Ксюшиной талии, ощущая упругость ее тела, тонкий шелк платяца, каждый ее вдох-выдох. Ветерок играл Ксюшиной гривой, кончики волос иногда сколь-

зили по его лицу, цеплялись за шеврон. Она со смехом их отцепляла, поглаживала грубое сукно мундира, ускользала из жадных рук, но уж очень медленно ускользала, как будто дразнила, укоряла за нерешительность и робость. А он и вправду робел и все не решился действовать, как полагалось бы по рассказам бывалых парней. Ну вот что она в нем, простом лейтенантыке, нашла? Красавица, умница, дочка какого-то там дипработника... Свадьба через месяц... Алешика резким движением привлек ее к себе. Вдруг лицо Ксюши стало то исчезать в каком-то тумане, то появляться, потом сморщилось, подурнело, глаза налились слезами, покраснели.

Боль пронзила все тело, вернув Алешику к действительности. У его больничной койки и вправду сидела Ксюша в накинутом на плечи белом халатыке. Слезы текли по ее лицу, капали на розовую кофтычку, оставляя некрасивые следы.

– Не плачь, моя девочка, все у нас будет хорошо, – еле ворочая языком, пытался он утешить ее. Она кивала и кивала, а слезы все так же обильно продолжали капать на кофтычку. В палату заглянула медсестра, схватила Ксюшу за руку, потащила к двери.

– Все! Уходите! И так мне влетит!

В коридоре у дверей ординаторской стояла хорошо одетая моложавая дама, беседуя с худенькой женщиной-врачом.

– И что же, никакой надежды?

– Ну почему же никакой. Ведь жив. Последствия контузии и сотрясения мозга еще долго будут тревожить. Ногу, возможно, от ампутации спасем. Дозу он, правда, хватанул. Но будем лечить, реабилитировать.

Дама качнула безупречной укладкой, обдав собеседницу волной дорогого парфюма.

– Благодарю. Я все поняла. Идем, Ксения.

Пока шли по больничной аллее к воротам, достала из сумочки белоснежный платочек, сунула его в руки дочери.

– Ты все сама слышала. Надеюсь, твое глупое любовное увлечение скоро пройдет – и слава Богу! Нам нужна крепкая семья, дееспособный муж, здоровые детки. А тут... Не плачь. Ничего не поделаешь. Жизнь-то продолжается.

На очередном осмотре маленькая строгая врач Марина долго записывала что-то в историю Лешкиной болезни.

– Доктор, а как там Димка? Сильно этот дурак пострадал? Привет передать ему можно, яблочко вон или апельсин? – все еще плохо выговаривая слова из-за тугой повязки, спросил он.

Она быстро вскинула на него темно-серые глаза, долю секунды помолчала и сухо сказала:

– Не до яблок ему. А привет – передам.

Собрала бумаги и вышла из палаты. Он откинулся на подушку, повозился, устраиваясь так, чтобы не потрево-

жить больную ногу и стал постепенно проваливаться в забвение. И вдруг вскинулся, вспомнил этот странный взгляд докторши и с ужасающей ясностью понял, что нет больше на этом свете Димки.

Еще многие годы хранил он то письмо, написанное ее мелким изящным почерком, где просит забыть, простить, не винить. Потом бумага поистерлась на сгибах, пожелтела, чернила выцвели и побледнели, как и боль, и обида. А потом оно и вовсе пропало. Может, сам спрятал куда-то от жены, чтобы не огорчать ее своим прошлым, да и забыл. А огорчать Маришу не хотелось – столько сил, заботы и любви вкладывала она в него, отвоевывая своего Алешеньку у смерти, которая, казалось, навсегда притаилась у него за спиной. Ликвидаторы долго не живут, говорят в народе. А получилось все наоборот: Марина и сама «замазалась» там, в припятском госпитале так, что спасти ее не смогло никакое чудо.

Сменщик Алексея Ивановича по привычке пришел на смену чуть раньше, с запасом. Любил немного поболтать, перекинуться новостями перед работой. Увидев его, Алексей Иванович подмигнул.

– Ну, старый, держись! Понаехали тут всякие! И наши, и заграница. Научный симпозиум. Вся знать собралась. А небо, как назло, прохудилось – льет и льет. Все в плащах

да с зонтами.

– Разберемся! – бодро отозвался сменщик, уже включаясь в мелькание жетончиков, курток, плащей, зонтиков. Толпа редела, плавно растекаясь к выходу, лестничным маршам, лифтам.

Коротко стриженная элегантная дама протянула Алексею Ивановичу номерок и отвернулась к зеркалу, поправляя и без того безупречную челку. Ожидание затягивалось, и дама недовольно взглянула на гардеробщика. Он стоял неподвижно, прижав к груди изящный кожаный пиджачок и не отрываясь глядел на нее.

– Вы окаменели, любезнейший? – она гневно сдвинула брови и закусила губу.

Алексей Иванович медленно стянул тяжелые роговые очки и прищурился.

– Здравствуй, Ксюша. Ксения, как вас по батюшке-то? Прости – забыл....

Женщина внимательно всмотрелась в его лицо и растерянно пролепетала:

– Алеша... Это ты? Ты как тут? Зачем? Я думала, ты давно....

– Умер? Нет, жив, как видишь.

Он протянул ей зонт и пиджак, передал следующий номерок сменщику. Женщина отошла к резной мраморной скамье в простенке и села. Если бы кто-нибудь взглянул на нее сейчас повнимательнее, то увидел бы, как стремительно,

на глазах она старела. Плечи поникли, руки безвольно лежали на коленях, резкая морщинка пролегла меж бровей, уголки губ опустились. Чуть прихрамывая, к ней подошел Алексей Иванович, взял из рук пиджак, помог попасть в рукава.

– Тут недалеко тихое кафе есть. Может, выпьем чайку? Погода промозглая, так чай сейчас к месту.

Кафе и вправду было тихим и полупустым. Она говорила и говорила, торопливо, перебивая сама себя, стараясь вставить в бурный и бессвязный рассказ всю свою неудавшуюся, глупо исковерканную жизнь. И замужество, и найденный мамой жених... Казался таким надежным, уважаемым, перспективным... И папа помог ему с дипломатической работой. А он... Целая череда измен, его бесконечное вранье, вереница любовниц... Столько пережить! А дочь-то! Думала, вырастет девочка-ромашка. А выросла хищница бездушная, интриганка. Собственного отца подсидела, чтоб мужу место расчистить, а потом и его бросила, нашла себе «кошелек» на ножках... Одно хорошо, что сама в молодости не бросила работу и потом наукой не перестала заниматься. Сейчас уже преподает в Англии. Но разве ж об этом мечтала?

Она говорила и плакала, и слезы катились по щекам и капали на кофточку, оставляя некрасивые следы.

– Не плачь! Все у тебя будет хорошо, девочка! Все еще когда-нибудь будет хорошо!

Он взял ее холеную руку, бережно погладил и осторожно поднес к губам.

– Прости, мне пора. Меня Тимофей ждет. Не могу заставлять его ждать...

Он шел к двери, чуть хромая, но по-военному выпрямив спину. На пороге остановился и оглянулся. За столиком вполоборота к нему сидела не средних лет дама, поклонница ботокса и пластической хирургии, а девушка с пышной копной волос, заплетенных в длинную косу и с «джокондовской» улыбкой. Алексей ласково улыбнулся ей в ответ, навсегда унося с собой и ее улыбку, и косу, и этот прощальный взгляд.

Армейка

...Двое парней поднимались из неглубокого оврага, оставляя за спиной покрытую масксетью и густо закиданную ветками и полыню палатку, оставляя крики армян – замком-взводов («быстрее, б*я, ночи холодные, а вы, суки, еще даже не притащили эти долбанные дрова, когда рубить будете, н*х?») и бурчание пока еще спокойного, но уже недовольного старшины.

– Ну что, Диман, сегодня опять по бэтерам спать по очереди? – с довольной улыбкой проговорил парень, идущий впереди. Его китель даже под бронежилетом и разгрузкой висел мешком, а сверкающие дыры на штанах давно не штопали за отсутствием смысла.

– А то! Опять же, суки, выспаться не дадут после этого гребаного патруля! А чо, Серег, сегодня как, ужинаем? – уже с нескрываемым удовольствием продолжил разговор Дима, теребя непослушный ремешок своего шлема.

– Нуу, если эти свиньи у себя в кунге опять нажрут и заснут пораньше, я даже сам полезу! – на ходу, поправляя на плече автомат, проговорил Серега.

Так начиналась обычная ночь обычного наряда на общеармейских учениях в Российской армии двух обычных пацанов-срочников.

Когда очень хочется спать, есть, спать, а потом еще раз

есть, в сроднике просыпаются-таки сверхъестественные способности – в один момент он может превратиться из обычного связиста в диверсанта, разведчика и спецназовца, а может быть, и все вместе. Особенно это касается добычи чего-нибудь вкусного даже в полях, даже на учениях, далеко от населенных пунктов, магазинов и приездов каждое воскресенье родителей с огромными пакетами еды как домашней, так и покупной.

Сначала снимается шлем вместе с кепкой, затем товарищу отдается «на хранение» свой автомат. Далее идет противогаз. Разгрузку тоже можно снять, дабы не мешала и не издавала шуршащих звуков, от которых господа контрактники могли проснуться. Ну, или элементарно услышать через приоткрытое окошко аппаратной. И последняя деталь – кепка возвращается на свое привычное место, только задом наперед, дабы не сужать обзор для себя и не прозевать растяжку антенны кунга в темноте.

– Спят?

– Тихо, ноут работает, один храпит, остальные хз. Опять бухали, небось, и где только водяру находят? Небось наш дорогой ротный подгоны делает.

– Ага, не подгонит еще нашему сержанту бутылку, а он его опять в кустах будет тихо наставлять на путь истинный!

Историю о том, как командир взвода, сержант, нашего капитана в лесочке побил, знала вся рота, после этого ротного начали за глаза называть мальчиком для битья. Хотя если

сравнивать габариты обоих, то было бы удивительно, если все было бы наоборот.

Цель бойцов в эту ночь были сухие пайки, по-другому – армейский суточный ИРП, индивидуальный рацион питания. Помимо трех блюд в них были всякие вкусняшки – повидло, яблочное пюре и шоколад. Эти сухпайки были спрятаны за передним колесом связного КАМАЗа, но добраться до них можно было только в темное время и суток и состояния «нищ» доблестных контрактников.

Итак, все готово, сослуживец на фишке в кустах в обнимку со снаряжением друга. Даже нет плана на побег или отступления – назад дороги нет, а ночь длинная и голодная. Тихо, как мышь, подобраться к спуску в капонир, перешагнув через все растяжки (антенны, а не то, что вы подумали), не задев обрывки масксети. Как настоящий диверсант пройти вдоль борта КАМАЗа. Спуститься на четвереньки и подтянуть к себе длинные картонные коробки. Потянуть из нее закрытую, набитую едой коробку сухпайков. Прижать к груди и повторить весь путь в обратном порядке.

Дим, где ты?

– Тут я, слева в окоп спускайся! Взял?

– Взял, взял! 7 рационов, гуляем сегодня...

А кружку ты брал? Мы из чего чай с кофе пить-то будем??

– Да не ссы ты, взял. Все, давай одевайся и пошли уже, щас прапор или замок припрется еще нас на маршруте проверять, и пипец нам тогда.

Дойдя до колонны БТРов, двое парней очень долго стояли и всматривались в темноту – мало ли, не бежит ли какой очумелый старшина наперевес с фонариком, перегаром и жуткими амбициями научить своих бойцов в патруле основам тактического перемещения или матчасти?

Но все спокойно. В ход идут таганок, спички и первое блюдо – тушенка говяжья. Если вы, господа, не пробовали армейскую тушенку – с голодухи, в патруле, стоя в полной выкладке возле безлюдной колонны БТРов – вы жизни не видели. Или не пробовали. Для кого как, в общем.

– Поели, теперь можно и поспать!

Дима, широко потянувшись и чуть не задев прикладом автомата Серегину челюсть.

– Слышь, Вандам, блин, поаккуратнее! Можно, но недолго. Давай, пока я теплый еще после кофе, лезь первый, через час дерну. Там шлемофон возьми, под кукушку подложишь.

По правилам, установленным товарищем капитаном, два патрульных должны были ходить вокруг техники и вообще по полю всю ночь, без сна. И уже с утра позавтракать и ложиться спать. По-армейски – отбиться.

Но скажите мне, друзья, какой-такой срочник выдержит всю ночь без сна, когда его никто не контролирует? Правильно, никакой. Вот и сейчас, Дима лез в БТР спать свой «незаконный» час, а Серега в это время пошел на обход по маршруту.

К слову сказать, был уже сентябрь, а в полях под Волго-

градом, конкретнее – полигон «Прудбой», было уже не так чтобы тепло. И вот представьте: вы покушали, уже середина ночи, вся экипировка уже сама тянет вас прилечь. А холодно! Серега был парень не глупый, только вот этот третий месяц службы голова и правда не очень работала. Конечно, когда «за тебя» думают, а времени на свое «подумать» нет, когда сил в конце дня хватает только для того, чтобы закрыть глаза и выключиться, попробуй не отупеть. Это же самая что ни на есть суть нашей армии!

Попробовав полежать на наружном склоне капонира, Серега понял, что это не очень хорошая идея. Хоть китель, бронежилет и разгрузка немного грели, задница все равно мерзла. Пришлось несколько раз сходить в соседний капонир, из которого БТР уже выгнали, набрать копну полыни и постелить себе что-то вроде лежанки. Да еще и укрыться сверху ей же.

«А что, неплохо! Осталось всего каких-то 40 минут, и пойду спать, отлично наряд проходит!» – подумал Серега, разгрызая очередную галетку из сухпайка...

...Когда Сережа проснулся и посмотрел на время, степень его охреневания не поддавалась бы измерению. Прошло 3 часа, на востоке горизонт уже окрашивался в светлые тона рассвета. «Нам пипец, если хоть кто-нибудь нас долго не видел сегодня...» – с тоской всех срочников страны подумал Серега. Накинув на плечо ремень автомата и поправив шлем, боец аккуратно приподнял голову над капониром – нет ли

знакомых ефрейторских рож, или того хуже, одной капитанской. Но все чисто, значит нужно бежать будить Дмитрия, который, наверно, уже даже не десятый, а сто пятидесятый сладкий сон досматривал.

Открыв дверь БТРа и узрев лежащие друг на друге армейские берцы, Серега ткнул по ним прикладом автомата. И еще раз. – А, ЧЕ, ГДЕ???. Ааа, ххоспади, это ты, Серег... Че, уже час прошел что ль?

– Ага, час... А три не хотел?! Давай высаживайся быстрее, пошли хоть остальной час походим по маршруту, хоть вид сделаем...

...Два бойца возвращались в лагерь. Утреннее солнце высветило на краю обрыва их силуэты, а снизу их ждала смена из практически таких же двух срочников. Но... Уставших, не выспавшихся и унылых. Только вот им предстоит гулять целый день под палящим солнцем, не спать и получать люлей от проснувшихся с похмелья радистов-контрактников и такого же старшины... А у ночных патрульных по распорядку дня был завтрак и обещанный командиром роты сон до четырех часов дня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.